

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сапрыкин М.Е. Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75713 EDN: SLYXGV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75713

Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова

Сапрыкин Михаил Евгеньевич

ORCID: 0009-0002-0030-113X

аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
108840, Россия, г. Москва, г. Троицк, Троицкий округ, Октябрьский пр-кт, д. 29А

✉ mikhail2909@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75713

EDN:

SLYXGV

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2025

Дата публикации:

04-09-2025

Аннотация: Предметом статьи является такая особенность поэтики неофициального поэта Вс.Н. Некрасова, как сходство синтаксической структуры текста с внутренней речью. В статье анализируются различия между тем, как функционирует внутренняя речь в поэзии Я.А. Сатуновского, на творческие открытия которого ориентировался Некрасов, и в поэзии самого Некрасова: если в поэзии Сатуновского сохраняется законченный характер синтаксиса, то структура стихотворений Некрасова лишена целостности, поскольку основной текст произведений составляют многочисленные дискурсивные маркеры и дейктические единицы. Представляется, что использование этих языковых единиц в качестве основной части художественного произведения является общим для конкретизма в России, стремившегося отказаться от «опоэтизированного слова» и ориентировавшегося на повседневную речь в качестве поэтической. Методология исследования строится на лингвопоэтике: в первую очередь отмечается такая

особенность внутренней речи в структуре поэтических произведений Некрасова, как частотное использование дискурсивных маркеров и дейктических единиц, а затем предпринимается попытка анализа их функционирования в тексте. Основными выводами проведенного исследования является то, что при помощи графики текста, различных приемов фоники и других приемов поэт создает особую композицию произведений, при которой смысловой акцент в его произведениях ставится на последний стих. При этом основная часть художественного произведения может состоять из дискурсивных маркеров или дейктических единиц. Однако в отличие от повседневного дискурса, где эти языковые единицы обеспечивают успешность коммуникативного акта, в творчестве Некрасова они вместе с другими художественными приемами осуществляют прием остранения, лежащий в основе всякого художественного акта. Таким образом, дискурсивные маркеры и дейктические единицы как обнаруживают свое собственное творческое начало, так и актуализируют внутреннюю речь как источник поэтического высказывания, что представляется отличительной чертой поэзии Некрасова.

Ключевые слова:

Вс.Н. Некрасов, Я. Сатуновский, лингвопоэтика, внутренняя речь, дискурсивные маркеры, дейктические единицы, неофициальная литература, Лианозовская группа, конкретизм, графика

Поэт Всеволод Николаевич Некрасов (1934–2009) играет важную роль в истории русской неофициальной литературы второй половины XX века: на рубеже 1950–1960-х гг. Некрасов входил в состав одного из первых неподцензурных объединений — Лианозовскую группу, в 1970–1980-е гг. был одной из главных фигур в среде московских концептуалистов, а в 1990–2000-е гг., после снятия цензурных ограничений, активно публиковался в официальной печати. В результате своей активной деятельности поэт в 2007 г. был удостоен премии Андрея Белого в номинации «За заслуги перед литературой». Таким образом, актуальность данной статьи обусловлена, с одной стороны, исключительно важной ролью поэта в позднесоветском и постсоветском литературном процессе, а с другой стороны, насущной необходимостью исследования различных аспектов поэтики Некрасова.

Предметом исследования данной статьи является такая особенность поэзии Некрасова, как сходство структурного устройства его текстов с внутренней речью. Л.С. Выготский в работе «Мышления и речь» определяет функцию внутренней речи как «способствующего фактора при переходе от мысли к громкой речи» [\[1, с. 6\]](#), а ее формальные отличия от речи письменной видят в следующем: «Внутренняя речь есть максимально свернутая, сокращенная, стенографическая речь. Письменная речь есть максимально развернутая, формально более законченная даже, чем устная. В ней нет эллипса. Внутренняя речь полна ими. Внутренняя речь по синтаксическому строению почти исключительно предикативна. Подобно тому как в устной речи наш синтаксис становится предикативным в тех случаях, когда подлежащее и относящиеся к нему части предложения являются известными собеседнику, внутренняя речь, при которой подлежащее, ситуация разговора известны самому мыслящему человеку, состоит почти из одних сказуемых. Самим себе мы никогда не должны сообщать, о чем идет речь. Это всегда подразумевается и образует фон сознания» [\[1, с. 21\]](#). Сходство поэзии Некрасова с этим типом речи уже отмечалось многими культурологами и литературоведами, в частности Б.Е. Грайсом [\[2\]](#), В.С. Библером [\[3\]](#), В.Г. Кулаковым [\[4\]](#). Однако нам представляется, что

исследование этого аспекта поэтики Некрасова может быть углублено. Помимо фрагментарности синтаксиса, структурный строй поэзии Некрасова с внутренней речью сближает активное включение в текстовую ткань дискурсивных маркеров и дейктических единиц. Основываясь на лингвопоэтике как методе исследования, мы собираемся проанализировать функцию названных языковых единиц, что позволит выявить своеобразие творчества Некрасова.

Для начала приведем несколько примеров из поэтических текстов Некрасова, в которых отчетливо видно сходство с внутренней речью. Если во многих стихотворениях поэта первой половины 1960-х гг., несмотря на графическое исполнение и отсутствие знаков препинания, сохраняется цельный синтаксис: «Физик физик / Математик / Дядя Коля Комаров / Косо криво засыпает / На горе Карабалах // По закону / Комарова / На горе / Карабалах // Горы горы / Интенсивно / Искривляют темноту» [\[5, с. 56\]](#), то уже во второй половине 1960-х гг. синтаксис большинства стихотворений становится более похож на синтаксис внутренней речи с ее эллипсами и отсутствием формальной завершенности: «да // куда / я знаю куда // а откуда / откуда я знаю откуда // нет // откуда / это я знаю откуда // а куда / откуда я знаю куда» [\[5, с. 235\]](#), а в 1970–1980-е гг. тексты, в которых можно зафиксировать цельный синтаксис письменной речи, практически отсутствуют. Это изменение в поэтике, произошедшее на рубеже 1960–1970-х гг. комментировал сам Некрасов, связывая его с влиянием творческой манеры Я.А. Сатуновского: «Сатуновский действовал своими идеями. Они у него такие органичные были: "главное иметь нахальство знать, что это стихи". Собственным примером: существует человек, который нет-нет — и вдруг как-то ловит себя на поэзии, именно ловит. Ловит себя на поэзии — это самый добротный конкретизм. То, что ты должен отметить, то, что есть на самом деле, вроде регистрации заголовков и вывесок — только внутри самого себя. Своя внутренняя речь — только отмечай то, что действительно того стоит. Я видел, что Сатуновский так делал — и у него получается — что так можно существовать. Я не сразу, но понял, что это для меня и есть пример» [\[6, с. 116\]](#).

Это сопоставление с Сатуновским нуждается в дополнительном комментарии. Сходство поэзии Сатуновского с внутренней речью уже отмечал К.М. Корчагин [\[7\]](#). В своей статье Корчагин, на наш взгляд, верно замечает, что стихи Сатуновского фиксируют «специфически промежуточную, "внешне-внутреннюю" речь» [\[7, с. 560\]](#). В самом деле, синтаксис в поэзии Сатуновского действительно лишь частично схож с тем описанием, которое внутренней речи дает Выготский — в стихотворениях поэта часто сохраняется формальная законченность предложений, хотя инверсия, повторы и фоника текста напоминают речь внутреннюю, как в следующих примерах: «Вчера, опаздывая на работу, / я встретил женщину, ползвшую по льду, / и поднял её, а потом подумал: — Ду- / рак, а вдруг она враг народа?» [\[8, с. 9\]](#), «Старый город немцы взорвали. / Пошатнулась, покатилась мостовая. / Я бежал по дымным развалинам. / Я бегу до сих пор, не переставая, / я бегу...» [\[8, с. 114\]](#), «Здесь расстреляли тётю Лизу, тётю Соню, тётю Лену. / Полжизни спустя меня привели и ткнули носом в Место казни» [\[8, с. 351\]](#). Впрочем, в корпусе текстов Сатуновского встречаются и такие тексты, которые построены на перечислении дискурсивных маркеров, а не предикатов или субъектов, что совершенно непохоже на синтаксис письменной речи: «Коль скоро, / прежде чем, / поскольку, / не так чтоб...» [\[8, с. 95\]](#). Однако таких текстов у Сатуновского значительно меньше, в то время как в поэзии Некрасова синтаксическая организация текста, схожая с внутренней речью, явно преобладает. Симптоматична в процитированном выше фрагменте из интервью и ссылка самого Некрасова на конкретизм как на отличительную

особенность творчества. Конкретизм в его русскоязычном изводе, как это показывал в своей статьей М.Г. Павловец [9], строился на недоверии и отказе от поэтизированного слова и, если поиски Некрасова и других поэтов Лианозовской группы в 1960-е гг. вели их либо к натурализму (случай И.С. Холина), либо к повседневной разговорной речи (случай Вс.Н. Некрасова), то в 1970-е гг. Некрасов закономерно обращается к внутренней речи, поскольку она в большей степени, чем какой-либо другой тип речи, лишена литературности, что определяется как ее функцией, так и внешними признаками. Можно утверждать, что, вдохновляясь Сатуновским, Некрасов вместе с тем шел дальше в тех поисках, которые были начаты им еще в начале 1960-х гг. и были связаны с конкретизмом.

Следует выделить несколько особенностей того, как используется внутренняя речь в поэзии Вс.Н. Некрасова. Во-первых, в своих произведениях 1970–1980-х гг. Некрасов чрезвычайно часто (практически в каждом тексте) использует различные дискурсивные маркеры. При использовании этого термина мы опираемся на то определение, которое ему дают О.В. Соколова и Е.В. Захаркин в своем недавнем исследовании: «<...> ориентируясь на различные определения этих единиц, мы формулируем рабочее определение **дискурсивных маркеров** [выделено авторами. — С.М.], под которыми понимаем слова, словосочетания и устойчивые конструкции, участвующие в прагматической и структурной организации высказывания, обладающие интерактивной и метатекстовой функциями» [10, с. 136]. Примерами дискурсивных маркеров являются слова *итак, следовательно, вообще, так, в общем, наконец, короче, значит, получается, тем не менее, с одной стороны, с другой стороны, напротив, наоборот, однако, говорят, поговаривают, по слухам, известно, кроме того, более того, кстати, например, вернее, точнее, скорее, то есть, я имею в виду, вот, уже, безусловно, несомненно, бесспорно, конечно, возможно, вероятно, может быть, думаю, предположим, допустим, по правде говоря, если честно, разумеется, действительно, да, нет, конечно, точно, знаешь, послушай, видишь, понимаешь, смотри, подожди, постой, если честно, эй, извините, пожалуйста, спасибо, здравствуйте, привет, до свидания, прощай, привет, прости, ах, ох, боже (мой), о. ого, эх, ура, ой, черт, блин, эй и многие другие*. Корпус текстов Некрасова 1970–1980-х гг. изобилует примерами текстов, в которых большая часть использованных слов будет относиться к дискурсивным маркерам. Приведем лишь несколько примеров: «радоваться надо // да я / да / радуюсь // поздновато / надо правду сказать» [5, с. 268], «и увы // Как бы сказал / Пушкин // Милые мои // Вот и мы» [5, с. 296], «и тогда я понял / что да // а тогда — тогда я понял / что нет // и тогда / когда я понял / что да / что тогда / когда я понял / что нет / что не да / что нет уж» [5, с. 327], «да // едва ли только / это та простота // да и навряд ли / это та доброта // и простота / была неспроста // и доброта / не довела до добра» [5, с. 388], «у кого / право // кому тут больше всех / надо // жить хочешь // скажи скажешь // и не жить тебе тут // пока молчите / пока живите / пока так / а там видно будет» [5, с. 450].

Другая особенность состоит в частом использовании дейктических элементов. Как известно, в сферу дейктика входят лексические и грамматические единицы, указывающие на участников речевого акта, а также на время и пространство, в которых он протекает. Более того, в количественном плане дейктические единицы могут преобладать над существительными, глаголами и прилагательными: «Не за этим / Не за этим / А за этим // Под тем небом / Нет под тем // Не то под тем // Одним словом / Вот / Там // Сколько лет / Сколько зим / Целый клад // Где-то тут / Тут у нас лес / Где-то тут» [5, с. 305]. В этом тексте всего три самостоятельных существительных («небом», «склад»,

«лес»), одно прилагательное («целый») одно личное («у нас») и одно неопределенное («где-то») местоимения, весь же остальной текст состоит либо из дискурсивных маркеров («одним словом», «вот», «сколько лет / сколько зим») и дейктических элементов («за этим», «нет под тем», «там», «тут»).

Таким образом, можно сказать, что внутренняя речь в текстах Некрасова не только (и не столько) предикативна, как об этом писал Выготский, сколько дискурсивна, поскольку ведущую роль в ней играют элементы, организовывающие функционирование высказывания в той или иной коммуникативной ситуации. Однако пока что без внимания оставался вопрос о том, какую функцию дискурсивные маркеры и дейксис играют в поэтических текстах Некрасова, а не в повседневных коммуникативных ситуациях. Вопрос о функциях этих элементов в поэзии в целом ставили Соколова и Захаркин в цитировавшемся выше исследовании. За частотным обращением к дискурсивным маркерам исследовательницы видят «метаязыковую рефлексию, часто принимающую форму критики конвенционального использования языка, что там самым противопоставляет поэтический другим типам дискурса и реализует дестеоретипизацию языковых клише и деавтоматизацию восприятия» [\[10, с. 213\]](#). В использовании же дейктических единиц Соколова и Захаркин (на основе анализа поэзии Е. Мнацакановой) усматривают «тенденцию к новым формам выражения субъективности с помощью речевых жестов» [\[5, с. 272\]](#). По отношению к поэзии Некрасова эти наблюдения кажутся нам в целом верными, но в то же время недостаточными для выявления собственно специфики функционирования дискурсивных маркеров и дейксида в текстах поэта.

Ответ на этот вопрос осложняется еще одним важным обстоятельством. Пользуясь терминологией Ч. Пирса, дейктические единицы можно отнести к знакам-индексам: они выполняют функцию указания и наполняются конкретным смыслом только в конкретной коммуникативной ситуации. Однако на что могут указывать дейктические единицы в художественных (и особенно в поэтических) текстах? Можно было бы предположить, что они организовывают ситуацию диалога между автором и читателем, однако это объяснение кажется нам явной натяжкой: ситуацию взаимодействия автора читателя и автора, о которой много рассуждал Некрасов в своих прозаических текстах, происходит за рамками художественного текста (последний в этом случае играет роль медиума), в то время как дейктические единицы принадлежат внутренней структуре текста и никак не могут формировать коммуникацию между автором и читателем. Учитывая это, следует сделать следующий шаг и поставить вопрос о том, какую роль в таком случае играют дискурсивные маркеры и дейктические единицы, которые явно не выполняют свою первоначальную функцию, поскольку они также не могут отсылать ни к какой коммуникативной ситуации, возникающей за рамками художественного текста. Анализируемые нами языковые единицы оказываются в таком случае знаками-индексами, указывающими на пустоту.

Семантика пустоты уже становилась исследований В.С. Библера [\[3\]](#), Ю.Б. Орлицкого [\[11\]](#) и М.Г. Павловца [\[12\]](#), хотя в этих работах внимание преимущественно уделялось ее визуальному решению, то есть пробелам и отступам на графическом уровне текста. Тем не менее, нам представляется крайне важной статья М.Г. Павловца, в которой исследователь сделал важное наблюдение о природе «пустотных текстов» (то есть таких текстов, основным визуальным компонентом которых является пустота книжного листа, создающая композиционную антитезу с минималистичной формой напечатанного стихотворения) Некрасова. В своем исследовании Павловец спорит с Б.Е. Гройсом, который в статье «О пользе теории для искусства» [\[13\]](#) причисляет Некрасова к

художникам-авангардистам, тем самым косвенно упрекая поэта в архаичности, поскольку он, как и его предшественники-авангардисты, упрощали произведение до минимальных смыслоразличительных форм (в качестве примера такой экстремальной редукции figurативных элементов мы предлагаем вспомнить хрестоматийную картину К. Малевича «Черный квадрат»). Павловец же утверждает, что пустота в текстах Некрасова выступает не как результирующий поиски финал, но, наоборот, как пространство, которое актуализирует саму возможность будущего поэтического поиска. Нам представляется, что ценные наблюдения исследователя могут пролить свет и на функциональность дискурсивных маркеров и дейктических единиц в текстах Некрасова.

Если взглянуть на композицию художественных текстов Некрасова, то можно заметить, что особенно сильный акцент в его стихотворениях приходится на финал текста, где содержится главная метафора, обнаруживается находка на фоническом уровне текста или используется другой художественный прием. Приведем несколько примеров из корпуса произведений поэта: «лето // эх лето лето // да нет / плохого-то / это лето не делает // только проходит» [5, с. 322]; «ибо / небо // и правильно // да иногда // винограда» [5, с. 376], «Москва столица // Москва Москва // а может хватит Москва // Вместе с тем / И сколько в ней / Смысла» [5, с. 507]. В первом тексте главное лирическое переживание содержится в последнем стихе, причем слова «только» и «проходит» при помощи аллитераций и ассонансов связываются со всеми предыдущими стихами, что и создает сильный акцент на этом стихе. Во втором тексте слово «винограда» образует неточную рифму со словом «иногда» из предшествующей строки, кроме того, слово «винограда» является единственным существительным во всем стихотворении, что также выделяет его финал. В третьем произведении заключительный стих создает композиционную антitezу между недовольством Москвой («а может хватит Москва») и признанием общей культурной и, вероятно, глубоко личной значимости этого города для лирического субъекта текста. То есть во всех трех случаях финальный пуант подготавливается системой дискурсивных маркеров («эх», «да нет» «плохого-то», «и правильно» «да», «а может хватит», «вместе с тем») и дейктических единиц («это лето», «иногда», «хватит»), которые составляют основную часть поэтической ткани произведений. Это позволяет утверждать, что роль дискурсивных маркеров и дейктических единиц, которыми наполнена внутренняя речь человека, в поэзии Некрасова оказывается чрезвычайно важной. Эти языковые единицы в сочетании с графическими приемами (отступами, делениями строк, сносками и пр.) и фоническим уровнем текста организовывают композиционную структуру произведения и тем самым подготавливают его кульминацию — остранение повседневного слова или словосочетания, в которых обнаруживается творческое начало, содержащееся, по мнению Некрасова, потенциально в каждом фрагменте речи. Не случайно тексты Некрасова, которые уже сравнивали с партитурой [10], зачастую имеют сложно организованную и построенную на интонационном звучании композицию, кульминацией которой и становится остранение речи (в данном случае внутренней), которую лирический субъект и «ловит себя на поэзии» [6, с. 116], то есть находит в ней поэтическое начало.

Таким образом, подобно тому, как незаполненное пространство листа, не обозначающее ничего, подразумевает саму возможность поэзии (что было убедительно показано М.Г. Павловцом), дискурсивные маркеры и дейктические единицы в текстах Некрасова являются источником поэтического слова, рождающегося из, говоря словами А.А. Ахматовой, фрагментированного «сора» внутренней речи. Элементарные по своей форме, эти языковые единицы часто составляют основной текст произведений, однако их

функция заключается не в отсылке к какой-либо конкретной коммуникативной ситуации, а в актуализации поэтического начала в самых простых элементах речи. Функция дискурсивных маркеров и дейктических единиц в поэзии Некрасова заключается в актуализации внутренней речи как источника возможного поэтического высказывания, в чем нам и видится одна из своеобразных черт поэтики Некрасова.

Библиография

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
2. Грайс Б.Е. Поэзия, культура и смерть в городе Москва / Грайс Б.Е. Ранние тексты. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 107-125.
3. Библер В.С. Поэтика Вс. Некрасова. // Замыслы: в 2 кн. М.: РГГУ, 2002. Кн. 2. С. 985-1001.
4. Кулаков В.Г. Несколько слов об особых заслугах: Речь о Всеволоде Некрасове // Премия Андрея Белого. 2007–2008. Альманах. № 2. С. 147-149.
5. Некрасов Вс.Н. Стихи 1956–1983. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2012. 591 с.
6. Некрасов Вс.Н. Из интервью В.Г. Кулакову // "Живем словом": Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях / сост. и отв. ред. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 56-125.
7. Корчагин К.М. "Констриком, но с новолефовским уклоном". Ян Сатуновский и эволюция конструктивистской поэтики // Лианозовская школа: между барабанной поэзией и русским конкретизмом. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 547-571.
8. Сатуновский Я. Стихи и проза к стихам. М.: Виртуальная галерея, 2012. 816 с.
9. Павловец М.Г. "Лианозовская школа" и "конкретная поэзия" // Лианозовская школа: между барабанной поэзией и русским конкретизмом. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 32-59.
10. Соколова О.В., Захаркин Е.В. Прагматика и поэтика: поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 327 с.
11. Орлицкий Б.Ю. Визуальный компонент в современной русской поэзии // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 181-192; EDN: QWNSAX.
12. Павловец М.Г. "Нулевые" и "пустотные" тексты в русской поэзии: от "исторического авангарда" к неподцензурной поэзии второй половины XX века // Сто лет русского авангарда. М.: НИЦ "Московская Консерватория", 2013. С. 375-384.
13. Грайс Б.Е. О пользе теории для искусства // Литературная газета. 1990. № 44. С. 5.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Всеволода Николаевича Некрасова достаточно интересно, отлично от ряда других поэтов, следовательно, привлекает внимание исследователей. Предметом рассмотрения рецензируемой статьи становится «внутренняя речь как один из важных аспектов лирики Вс. Некрасова». Думаю, что подобный расклад вполне конструктивен и научно оправдан. Автор статьи в начале дает общий обзор фигуры поэта, отмечая его важные творческие этапы / составляющие. Далее дается информационная справка относительно того, что такое «внутренняя речь» с должной цитацией научных источников. В частности отмечено, что «внутренняя речь по синтаксическому строению почти исключительно предикативна. Подобно тому как в устной речи наш синтаксис

становится предикативным в тех случаях, когда подлежащее и относящиеся к нему части предложения являются известными собеседникам, внутренняя речь, при которой подлежащее, ситуация разговора известны самому мыслящему человеку, состоит почти из одних сказуемых». На мой взгляд, некая органика теории и практики есть залог правильного раскрытия темы, достижения поставленной цели. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия вводятся с учетом объективной коннотации: например, «Помимо фрагментарности синтаксиса, структурный строй поэзии Некрасова с внутренней речью сближает активное включение в текстовую ткань дискурсивных маркеров и дейктических единиц. Основываясь на лингвопоэтике как методе исследования, мы собираемся проанализировать функцию названных языковых единиц, что позволит выявить своеобразие творчества Некрасова» и т.д. Автору удается ввести в работу и обзор критических источников по творчеству Вс. Некрасова, это явно необходимо и правильно, ибо собственный взгляд на проблему формируется благодаря уже сказанному. Таким образом, диалог с оппонентами складывается удачно. Работе присущ должный академизм, логику тексту придает выверенный анализ текстов Вс. Некрасова, точечное обращение к языковому строю поэтического наследия. Цитаты по ходу работы аргументируют предложенный вектор тезисов как реализуется «внутренняя речь» в текстах Вс. Некрасова: например, «Физик физик / Математик / Дядя Коля Комаров / Косо криво засыпает / На горе Карабалах // По закону / Комарова / На горе / Карабалах // Горы горы / Интенсивно / Искривляют темноту» [5, с. 56], то уже во второй половине 1960-х гг. синтаксис большинства стихотворений становится более похож на синтаксис внутренней речи с ее эллипсами и отсутствием формальной завершенности: «да // куда / я знаю куда // а откуда / откуда я знаю откуда // нет // откуда / это я знаю откуда // а куда / откуда я знаю куда» [5, с. 235]» и т.д. На мой взгляд, работа имеет завершенный вид, она самостоятельна, оригинальна. Работу отличает и должный комментарий в ряде мест, где это явно необходимо: «следует выделить несколько особенностей того, как используется внутренняя речь в поэзии Вс.Н. Некрасова. Во-первых, в своих произведениях 1970–1980-х гг. Некрасов чрезвычайно часто (практически в каждом тексте) использует различные дискурсивные маркеры. При использовании этого термина мы опираемся на то определение, которое ему дают О.В. Соколова и Е.В. Захаркин в своем недавнем исследовании: «<...> ориентируясь на различные определения этих единиц, мы формулируем рабочее определение дискурсивных маркеров [выделено авторами. — С.М.]». Подобный вариант дает возможность читателю правильно оценивать ту или иную исследовательскую мысль. Список источников объемен, ссылки на исследования В.С. Библера, Ю.Б. Орицкого, М.Г. Павловца и других оправданы. Общие требования издания учтены; фактическая правка текста излишня. Выводы по тексту соотносятся с основным блоком. Материал можно использовать в вузовской практике при изучении истории русской литературы, а также творчества Вс. Некрасова. Рекомендую статью «Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова» к публикации в журнале «Litera».